

МЕСТО И РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ В ДИАЛОГЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

В.К. Сабирова

Предлагается анализ места и роли императивов вечных ценностей в культурном многоголосье.

Ключевые слова: этническая идентичность; ценности; диалог культур.

Всевозможные манипуляции с цитатами, обыгрывание известных, перешедших в разряд штампов хрестоматийных фраз и выражений, которые, оказавшись в новом контексте, как и предполагал Бахтин, “обрастают дополнительными смыслами”, разыгрывающие цитирования – все это еще недавно было не просто самым популярным приемом практически во всех видах искусства, но как бы признаком хорошего тона. Демонстративным свидетельством коллективной принадлежности к той самой “постмодернистской реакции”, которая характеризует определенный способ взаимоотношений с традицией, предполагающий вовлечение иных “культурных контекстов” в современную ситуацию. Но вовлечение своеобразное, в котором автор все же находит возможность и для передачи собственных индивидуальных интенций.

И все же диалог – это взаимодействие разных языков, разных культур, взаимодействие категорий “я” и “другой” как реализация ценностных установок, как особый взгляд на мир.

Диалог культур и идентичность – “основополагающие аспекты развития современных социально-политических процессов”, – считает А. Токтосунова и поясняет, что представляет собой в этом смысле идентичность: «выражение своей причастности к миру, она проявляет различные свойства, черты, характеристики. Поэтому можно говорить о ее множественности: личной, этнической, гендерной, социальной, культурной, религиозной, межнациональной, коллективной, гражданской, космополитической, региональной, геополитической, “транснациональной” и др. В идентичности отражается сущность неповторимо уникального существования отдельной личности, этноса, общества». Эта сущность соответствует воплощению внутренне присущей идеи в действительности, в процессе развития. Идентичность вбирает в себя историю, опыт, восприятие, образ, интересы, убеждения, традиции, обычаи, ценности, нормы, систему вероисповедания, чувство ответственности, национального самосознания, патриотизм и др.

Идентичность зависит от восприятия, представлений индивида и мира. Идентичность динамична, подвластна изменениям. Переключаясь к новым идеям, идентичность играет роль и объединяющего, и разъединяющего принципа в отношениях между людьми. Именно выбор между предписаниями морали и собственными побуждениями делает нас идентичностью (М. Бахтин). Национальная идентичность – это не чувство собственного превосходства, а сохранение культурной идентичности и интеграция через диалог.

Если вспомнить контекст, в котором вызрела бахтинская теория диалогизма, то это был период письменной и аудиальной (в жизнь вошло массовое радиовещание) культуры, когда кино еще было немым, не было телевидения, видео и других современных средств массовых коммуникаций. Существование человека как “винтика системы” не давало возможности для “диалогизма”. “Полифония” бахтинской концепции стала возможной лишь в условиях трансформации современного медиaproстранства, когда возникла потребность в креативном человеке, готовом к диалогу. “Вместе с М.М. Бахтиным, – отмечает В.С. Библер, – мы прошли трудный путь. Теперь возможно осознать: вот что означает понимать текст культуры, участвовать в самосознании культуры, взаимопонимании культур или, чтобы быть точным, – участвовать в самой жизни культуры. Ведь понимаемая в идее диалога культура и есть развиваемое в веках, отстраненное и транслированное в культурных образах самосознание индивида, эпохи, эпох... Главное – чтобы не разменять Бахтина на частности... и органичнее включиться в живой спор реальных культур” [1].

Тем более что Бахтин через “традиционную” и “модернистскую” культуру сумел, по сути, “раскодировать” весь XX в., расшифровывая и анализируя эволюцию “форм видения” действительности, роль слова и диалога в культуре как главных факторов коммуникации. Не удивительно, что идеи и труды Бахтина стали особенно востребованными в конце XX в., когда рухнул “железный занавес”, Берлинская “стена”, когда в полном смысле слова стал возможен “диалог культур” в политическом, этическом и эстетическом аспектах, когда появилась потребность в медиакulturе как посреднике между властью и обществом, между государством и социумом. Изменения в оценке ситуации культуры осуществляются и в соответствии с определенной идеологической позицией: западной философии искусства ничуть не чужда мысль о политической ангажированности художника. Хотя это понятие

более широкое, означая принципиальную включенность, вовлеченность автора в бытие. Он должен полностью воплотить в своих произведениях не свою жалкую пассивность, когда выставляют напоказ пороки, несчастья и слабости, а твердую волю и выбор, “тотальное предприятие, которое называется жизнью и которое совершает каждый из нас...”. Осознание языка – формы власти с неизбежностью вывело проблему автора в контекст идеологии как части культуры народа.

Культура в самом широком смысле – это совокупность специфических человеческих способов сознательной деятельности и ее результатов. Поэтому культура может рассматриваться в качестве феномена, формы которого изменяются во времени и пространстве. “Культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество” [2, с. 6]. Таково, к примеру, этнокультурное разнообразие, которое выражается не только в языке, истории, религии, культурных ценностях, традициях, обычаях, обрядах, народном творчестве и профессиональном искусстве, но и в нормах поведения и привычках, вплоть до принятых жестов вежливости и приветствий, этики в еде, гигиенических привычках и т.п. В этих компонентах культуры и сосредоточены передаваемые из поколения в поколение своеобразие и неповторимость групповой, в т.ч. и этнической идентичности [3].

Осознание того, что культура общества есть культура сосуществования людей с различными, отличающимися друг от друга взглядами, культур признания другого, “другого восприятия жизни”, особенно важно в современном, быстро меняющемся и в то же время хрупком мире. Необходимо чувство причастности каждого к единому целому, ощущение потребности в “другом”, видеть важность и выгоду познания “иной”, отличающейся от привычной доселе культуры. Поведенческие категории: “поиск пропитания”, “место обитания”, “одежда”, “изобразительное искусство”, “родственные связи”, “политическое поведение”, “смерть”, “вероисповедание”, “младенчество и детство” и другие, в общем количестве – 88 насчитали Джордж Питер Мердок и его коллеги из Бельского университета. Эти универсалии подразделяются на дополнительные категории, характеризуют общие элементы культуры, хотя конкретные детали реального поведения в них могут быть совершенно разными.

Необычайно разнообразен этнический состав населения Кыргызстана. Согласно данным Первой (1999) и Второй (2009) Национальным

переписям населения Кыргызстана, здесь проживают представители более 90 этносов, 12 из которых имеют численность более 20 тыс.чел. По данным Института этнического развития Ассамблеи народа Кыргызстана, в стране с общим числом населения более 5,4 млн. человек в настоящее время проживают представители 154 этносов. Образование в области культурного многообразия призвано содействовать пониманию, особенно со стороны молодежи, необходимости соблюдения конституционных прав и равных возможностей всех граждан республики вне зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности, консолидации всех этнокультурных групп и сообществ в единую нацию кыргызстанцев, при гармонизации этнокультурной идентичности с гражданской. Для того, чтобы достичь такого гражданского единства, при котором сохраняются культурные различия, когда каждый из нас, независимо от своей этнической принадлежности, может гордо заявить: “Я – кыргызстанец!”. Необходимо каждому способствовать укреплению взаимоуважения и взаимопомощи в межличностных и межгрупповых взаимоотношениях, изучать искусство, традиции и обычаи, духовные ценности других, бережно относиться к каждой самобытной культуре.

Эволюция ценностей кыргызстанцев в новой социокультурной ситуации, % [4]

Категория	Ценности			
	запад-ные	кыргыз-ские	совет-ские	ислам-ские
Молодежь	72,5	8,7	1,6	2,8
Среднее поколение	10,3	16,6	48,5	4,3
Старшее поколение	1,7	16,6	58,4	7,2
Средний показатель	28	26,4	11,6	5

Отход от коммунистической идеологии, формирование новой системы экономических отношений оказали воздействие на формирование приоритетов населения. В апреле 1993 г. [5] люди ставили в центр своих интересов – семью (81,2%) и место жительства (36,1%), а значимость национальных интересов (16,8%) далеко отставала от семейных. Сходная картина сохраняется и в июле 1997 г., они выдвигали на первый план ценности семьи (81,3%) и здоровья (78,9%). Причем эти ценности были значимы для всех респондентов независимо от уровня доходов, образования и возраста. Таким образом, глав-

ные интересы людей сосредоточены в семье – малой социальной группе.

Больше для исследования кыргызских диаспор успели сделать зарубежные исследователи [6], утверждают авторы одного из сайтов, содержащих учебные материалы по истории Отечества. Имеются в виду работы российских и турецких исследователей, прежде всего последствий басмаческого движения [7–9]. Восполняет пробел в отечественной науке книга А.И. Пылева об этнополитическом срезе среднеазиатского басмачества, которое в 20-е гг. XX в. признавалось национально-освободительным движением [10]. Но позже советская идеология “отлакировала” его как повстанчество. Не вдаваясь в проблему, изучаемую автором, попытаемся взять для анализа только те цитаты, что помогут сделать яснее наш дискурсивный план. В частности, А. Пылев считает, что “басмачество – явление, присущее именно среднеазиатской цивилизации”. С этим можно согласиться, так как слово “басмач” в переводе с большинства тюркских языков означает “захватчики”, “интервенты”, “поработители”. Исходя из этого, автор использует богатый фактический материал и доказывает, что среднеазиатское басмачество в значительной степени представляло собой реакцию на социальную напряженность, возникшую в результате особенностей социально-экономического развития региона в конце XIX – начале XX в. Следует отметить, что подобная концепция истории басмачества не высказывалась в прежние годы в научных трудах как отечественных, так и зарубежных [10, с. 3]. Актуальность этой работы в том, что раскрывается проблема социальной базы и движущих сил басмачества, его специфика в различных регионах Средней Азии (с региональной точки зрения автор выделяет ферганское, восточнобухарское и хивинское басмачество), этническое содержание, роль племен, кланов и т.д.

Освещая данные проблемы, автор использовал огромный массив неизученных прежде отечественным исследователем источников, главным образом, турецкого происхождения. «Это мемуары и записки “басмаческой эмиграции”, в большом числе бежавшей из Средней Азии в Турцию, свидетельства турецкой прессы и периодики, чисто архивные материалы», считает автор предисловия к книге проф. СПбГУ и КРСУ А.А. Колесников По его мнению, «зарубежная историография (на английском, немецком, французском, а также турецком и персидском языках) также накопила большое количество работ, монографий и статей, посвященных в целом истории

так называемой “советизации Средней Азии”, и рассматривающих, как один из частных вопросов, басмаческое движение» Из работ, ставших доступными недавно, особенный интерес представляют для нас труды двух следующих авторов и политических деятелей среднеазиатской эмиграции – М. Чокаева и З.В. Тогана, участника исследуемых событий. М. Чокаев в конце 20-х и в 30-е годы написал ряд работ и о басмачестве в советском Туркестане. Статья “The Basmachi movement in Turkestan” и книга “Туркестан под властью Советов”, изданная в 1935–37 гг. на русском языке в Париже и Турции (1988 г.) – известные отечественным исследователям. “Отрывки из воспоминаний о 1917 г.” были изданы в 2001 г. в Москве на основе записей М. Чокаева на русском языке, обнаруженных в московских архивах российским исследователем, кандидатом исторических наук С.М. Исхаковым.

В последнее время в распоряжении отечественного исследователя появился ряд новых работ М. Чокаева [11, с. 2], впервые введенные в научный оборот. Как политический эмигрант и идеологический противник советской власти М. Чокаев старался привлечь внимание западно-европейской политической элиты (как известно, также в те годы антисоветски настроенной) и общественности к событиям в Средней Азии, прежде всего, к проблеме басмаческого движения. Безусловно, трактовка басмачества у Чокаева, по отмеченным выше причинам, в значительной степени политизирована. Так, в предисловии к упомянутому “Воспоминаниям” Чокаев характеризует его как “всенародное движение, занявшее в истории антисоветского движения вообще исключительно важное место”. Сами термины “басмачество”, “басмаческое движение” приводятся им исключительно в кавычках, в основном, говоря о басмачестве, Чокаев называет его “всенародным”, “повстанческим движением”. “Басмачество” или “всенародное повстанческое движение” было вызвано к жизни “наступлением большевизма” и “оккупацией Красной Армией” Туркестана, а впоследствии – Хивы и Бухары. М. Чокаев, однако, признает, что басмачество, как социальное явление, имело место в Средней Азии и до 1917 г., но после разгрома большевиками Кокандской автономии, оно автоматически становится “движением за национальную независимость” и приобретает “народную основу”, точно также как прежнее русское “националистическое великодержавие” после 1917 г. автоматически стало “революционным великодержавием” [8, с. 113, 117]. Несомненно, моменты идеологические и субъективные

значительно отразились на данных трактовках М. Чокаева. Это косвенно признавал и сам Чокаев, когда утверждал, что «в эмиграции ...много активных участников “басмачества”, многим известны отдельные эпизоды борьбы, но целостного описания повстанчества у нас еще нет». В этом смысле работы М. Чокаева, А. Пылева и наше исследование связаны географическим названием мест происходящих событий, описанием причин возникновения эмигрантского движения и литературы тюркоязычных диаспор в странах мира.

Рассматривая концепцию басмаческого движения другого автора-эмигранта, известного политического деятеля России периода революции и гражданской войны, З.В. Тогана, нужно иметь в виду, что по политическим убеждениям он был сторонник, как он сам о себе писал, “социалистических идей”, хотя в то же время разделял идеи “национальной независимости тюркских народов России”, которая должна возникнуть в результате “общетюркского политического движения” [7, с. 65, 96, 99]. Это также новая сторона в характеристике тех, кто стал поневоле эмигрантом, хотя и симпатизировал идеям новой власти. В этом смысле еще очень многое надо исследовать в сфере причин того, почему представители одних тюркских этносов вошли в состав СССР на правах автономных или суверенных республик областей, вторые – в состав Китая, а третьи этносы остались и вовсе без внимания.

После вывода в 1989 г. советских войск из Афганистана, затем – распада СССР и в связи с этим изменения общей международной обстановки (когда основные противоречия в международных отношениях переместились с оси Запад – Восток на ось Север – Юг, т.е. развитые страны Запада – Третий мир), в западной литературе появляются несколько иные оценки обсуждаемых нами вопросов [10, с. 43]. В данной ситуации, в современной зарубежной историографии появились совершенно негативные отзывы о басмаческом движении. Так, сообщается о том, что басмаческое движение несло огромный ущерб экономике, хозяйственному развитию региона [12, с. 285]. Стало значительно больше говорить о консервативном, нежели “прогрессивном” характере басмачества, по мере того как отмечалось усиление сепаратистского движения в среднеазиатском регионе после распада СССР, в особенности на территории современного Таджикистана. Говоря об исламской базе движения, западные авторы отмечают отрицательные, а не положительные факторы, в отличие от периода существования СССР [13].

Все вышеназванные сентенции исследователя нами взяты для демонстрации того, как кардинально могут меняться интерпретации одного и того же явления в истории человечества, что само по себе закономерно. И все же, касательно басмаческого движения – почему западными учеными, которые в принципе стоят на европоцентристских позициях и конъюнктуре в большинстве своем не поддаются, традиционно антисоветски настроенные, и тут – разительная перемена в экспертных оценках. Можно говорить об исламской угрозе миру, можно утверждать об антироссийских настроениях, можно даже предположить, что Запад меняется, он становится гибче или же становится Другим. И можно надеяться, что мир просто становится ответственным за свои поступки (М. Бахтин).

Сведения о расселении, различных сторонах жизни, быта, хозяйства духовной культуры кыргызов, об участии их в событиях военной и политической истории Азии, содержащиеся в источниках, очень фрагментарны и нередко противоречивы [14, с. 6–7, 133–142]. Т.е. даже сведения о начале истории найдены в древнейших записях историков, живших за рубежом территории современного Кыргызстана. Из истории веков урок, полученный кыргызами, состоит в призыве к объединению. По этой же причине закономерно появление и широкое распространение эпических поэм, где осуждаются разобщенность и предательство, призыв к объединению, презирается трусость, прославляется мужество батыров. И это наследие, оставшееся нам от наших предков. Наше культурное наследие складывалось в процессе становления и развития национального самосознания, постоянно обогащалось собственным и мировым культурным опытом. Оно дало миру вершины художественных достижений, такие как эпос “Манас” и Чингиз Айтматов, стало неотъемлемой частью мировой культуры.

Говоря об императивах вечных ценностей в общенациональном диалоге культур в контексте информационного пространства нашей страны, мы должны помнить о том, что в основном это диалог культур – русской и кыргызской, статусы этих языков определены в Конституции. Диалог – это активность равноправных, свободных и за-

интересованных людей. А значит, по аналогии с отдельными людьми, активность их групп в виде этнических общностей тоже должна быть в виде диалога равноправных, свободных и заинтересованных этносов и их диаспор в культурной сфере Кыргызстана.

Литература

1. *Библер В.С.* От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990.
2. Все равные, все уникальные. Молодежь и Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. – М., 2004.
3. *Жоробекова Э.Ж., Токтосунова А.И., Токтосунова Г.И.* Наследие кыргызов в контексте культурного разнообразия, или Горный оазис на Великом Шелковом пути. – Бишкек, 2008.
4. *Молдобаев К.* Эволюция ценностей кыргызстанцев в новой социокультурной ситуации. Результаты соцопроса 1997 г. // Центральная Азия и Кавказ. URL: www.freenet.kg/journal/n5/JRNAL509.htm#fn15#fn15
5. Опрос Центра изучения общественного мнения Кыргызстана (РЦИОМ). Апрель 1993 г.
6. URL: www.filebar.kg/files/8523/История.doc
7. *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – М., 1997.
8. Из истории российской эмиграции 1924–1932 гг. Письма А.З. Валидова и М. Чокаева. – М., 1999.
9. *Paksoy H.B.* Basmachi movement from within: Account of Zeki Velidi Togan // Nationalities Papers, Vol. 23? No 2. June 1995. Pp. 373–399. URL: [//www.lib.byu.edu/~rdh/wwi/comment/togan.html](http://www.lib.byu.edu/~rdh/wwi/comment/togan.html)
10. *Пылев А.И.* Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). – Бишкек, 2006.
11. *Чокаев М.* Письма, статьи и рецензии // Из истории российской эмиграции. – М., 2001.
12. Central Asia. 130 years of Russia's dominance / Ed. By E. Allworth. – London, 1994.
13. The library of Congress Country Studies, 1996.
14. *Худяков Ю.С.* Кыргызы на просторах Азии. – Бишкек, 1995.